

Н. С. АВИЛОВА, С. Н. ДМИТРЕНКО, В. В. ЛОПАТИН,
В. А. ПЛОТНИКОВА, И. С. УЛУХАНОВ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

(фонология, морфемика, словообразование, морфология)¹

«Грамматика» 1970 г. как по своему материалу, так и по его анализу и характеру изложения отличается от предшествующих грамматических описаний. Построение основных разделов Гр70, предложенные решения ряда спорных проблем, принятые в ней дефиниции, самые методы анализа и описания материала стали предметом обсуждения. Предлагаемая статья является кратким ответом на отзывы и замечания, высказанные по поводу построения разделов «Сведения по фонологии», «Введение в морфемику», «Словообразование» и «Морфология»².

1. Раздел «Сведения по фонологии» в Гр70 представляет собой сжатое изложение системы фонем современного русского литературного языка на основе положений московской фонологической школы в интерпретации Р. И. Аванесова. Кроме того, в разделе рассматриваются вопросы, связанные с определением признаков фонем, с установлением функциональной нагрузки противопоставлений фонем. Критические замечания (см. 5, 6) касались в основном следующего: 1) построения раздела; 2) соотношения фонетического и фонологического аспектов при описании системы фонем; 3) определения наличия фонемного противопоставления — на уровне модели или на уровне словоформы; 4) определения функциональной нагрузки фонемного противопоставления.

К. В. Горшкова (5) полагает, что поскольку глава о фонологии в грамматике, как правило, носит подчиненный характер, постольку в нее должны быть включены прежде всего те фонологические сведения, которые могут быть использованы в грамматическом описании. Это вопросы, связанные с выделением фонемных рядов и тождеством морфем в связи с тождеством фонемных рядов. С другой стороны, были выражены пожелания, чтобы в раздел «Сведения по фонологии» были включены также данные о сочетаемости фонем в языке (6 — М. А. Жовтобрюх) и сведения об интонации (6 — Л. Л. Буланин).

Отбор сведений, необходимых для фонологического описания в грамматике, очень сложен. Тот круг вопросов, который К. В. Горшкова определила как предмет фонологического описания в грамматике, вряд ли достаточен. По нашему мнению, раздел должен содержать описание системы фонем современного русского литературного языка с подробным освещением вопроса о выделении фонемных рядов и о тождестве морфем. Включение же в краткое фонологическое описание разделов о сочетаемости фонем и об интонации не представляется нам возможным, поскольку вопросы эти значительно выходят за рамки того, что можно назвать «сведениями по фонологии».

¹ Раздел 1 настоящей статьи написан С. Н. Дмитренко, 2 — В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым, 3 — В. А. Плотниковой и Н. С. Авилловой (вид и залог).

² Список рецензий см. в статье Н. Ю. Шведовой. Нумерация их сохраняется.

Как один из существенных недостатков раздела рецензенты отмечают проявляющееся при описании фонемных модификаций неразличение фонетического и фонологического аспектов. М. А. Жовтобрюх (6) полагает, что это неразличение заложено в самом определении фонемы как далее неделимой звуковой единицы, служащей для различения звуковых видов слов и их форм. По его мнению, при таком определении фонемный инвентарь может быть представлен неограниченным числом фонем. В Гр70 дано определение фонемы, учитывающее два существенных момента: во-первых, минимальность (или неделимость) звуковой единицы, и, во-вторых, способность данной единицы дифференцировать звуковые виды слов и их форм. Это последнее свойство позволяет отличить фонему от варианта фонемы (аллофона): только ф о н е м а может дифференцировать звуковые виды слов (словоформ).

К. В. Горшкова (5) отмечает, что в Гр70 при описании системы фонем современного русского языка неправомерно используется принадлежащая В. В. Иванову идея об установлении наличия фонемных противопоставлений на уровне модели, так как идея эта применима лишь к диахроническому описанию фонем. С нашей точки зрения, идея установления фонемных противопоставлений на уровне модели может быть использована и при описании системы фонем в синхроническом плане. Об этом убедительно свидетельствует специально изученный нами материал, касающийся функциональной нагрузки шипящих, свистящих и заднеязычных в современном русском языке. Материал показывает, что смыслоразличительная функция фонемы, определяемая наличием пар словоформ с минимальным различием, в ряде случаев оказывается равной нулю и противопоставление фонем устанавливается на уровне модели. Например, во внутриморфемном положении из десяти противопоставлений фонемы [з'] шесть противопоставлений ([з'] — [ц], [з'] — [ч'], [з'] — [з], [з'] — [к], [з'] — [г], [з'] — [х]) не представлены на уровне словоформы: противопоставления эти устанавливаются на уровне модели.

Л. Л. Буланин (6) ставит вопрос: могут ли слабые фонемы служить иллюстрацией функциональной нагруженности фонем в фонологических оппозициях, например, пары *мо*[с'] — *мо*[п] — иллюстрацией нагруженности фонем [с'], [п] в оппозиции [с'] — [п]. С точки зрения той фонологической теории, которая лежит в основе описания в Гр70, выделяемые в языке сильные и слабые фонемы имеют разницу в различительной силе: сильные фонемы обладают большей различительной способностью, чем соответствующие слабые фонемы. Поэтому можно сказать, что слабые фонемы в словах *мо*[с'] и *мо*[п] не могут свидетельствовать о функциональной нагруженности фонем [с'] и [п]. Однако сказанное наталкивает на мысль о возможности дифференцированного подхода к определению функциональной нагрузки сильных и слабых фонем³. По-видимому, функциональная нагрузка сильных и слабых фонем будет значительно различаться по количеству позиций, в которых осуществляется дифференциация звуковых видов словоформ.

2. В связи с рассмотрением разделов «Введение в морфемику» и «Словообразование» остановимся прежде всего на нашем понимании м о р ф е м и к и. В Гр70 есть раздел «Введение в морфемику», но нет раздела «Морфемика». Это обстоятельство ставят нам в упрек некоторые рецензенты (6). Предложенное решение объясняется необходимостью дать введение к тем частям последующих разделов «Словообразование» и «Морфология», где

³ Интересно в этом отношении замечание Р. И. Аванесова о необходимости учитывать фонематичность «вариантов», или слабых фонем. См.: Р. И. А в а н е с о в, Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 138.

содержится конкретное описание морфем. Морфемика — это учение о морфемах, описание их инвентаря, их алломорфов и вариантов, их значений. В «Словообразовании» же и в «Морфологии» есть целый ряд «участков», не имеющих непосредственного отношения к морфемике. Так, в «Словообразовании» определенное место занимают неморфемные средства образования слов (ср. в особенности характеристику формантов при способах образования слов с более чем одной мотивирующей основой, см. § 40, II), в «Морфологии» — аналитические формы. Естественно, что и учение о частях речи, о грамматических категориях не сводится к одной только характеристике морфем, выражающих грамматические значения.

Несколько слов о предложенных нами критериях отождествления морфемы. Е. А. Земская (6) считает, что грамматическими правилами распределения алломорфов являются лишь правила дополнительного распределения и что, следовательно, сформулированный в Гр70 (§ 29, п. 3) принцип распределения алломорфов неграмматичен. Однако следует иметь в виду, что «чистая» дополнительная дистрибуция, и притом грамматическая, охватывает в языке лишь небольшую часть формально и семантически близких морфов. Принимая за основу принцип дополнительной дистрибуции, нельзя было бы объединять в одну морфему, например, префиксальные морфы *в-* и *во-*, *с-* и *со-*, *от-* и *ото-* и т. п., поскольку есть морфонологические позиции, в которых возможны оба этих морфа (ср. *вбросить* и *вобрать* и мн. др.). Это свидетельствует в пользу менее жесткого требования к позиционному распределению морфов одной морфемы, хотя распределение это, конечно, должно быть грамматичным. Именно таким подходом и вызвано, в первую очередь, выдвижение наших принципов распределения алломорфов. Ведь в подавляющем большинстве случаев распределение аффиксальных словообразовательных морфов одной морфемы может быть истолковано с лексической точки зрения (т. е. с точки зрения сочетаемости каждого аффиксального морфа с определенным набором, или списком, соседних корневых морфов) как дополнительная дистрибуция. Однако в грамматике следует исходить из более общих — грамматических — правил распределения, пусть хотя бы и менее жестких.

Некоторые общие принципы морфонологического описания, принятые в Гр70, были подвергнуты критике Д. Уортом. По мнению Д. Уорта, недостатком раздела «Словообразование» является неразличение «морфотактики» и «морфофонемики» (термины Д. Уорта), т. е. «учения о сочетаемости морфем и морфов» и «учения о фонологических изменениях, происходящих при сочетаниях морфем» (3, стр. 397—398). Сходные замечания были высказаны Е. А. Земской и Т. В. Булыгиной (6). Думается, что в Гр70 такого неразличения нет. Различие трактовок объясняется тем, что Д. Уорт исходит из принципов порождающей грамматики, в то время как Гр70 построена как грамматика описательная.

Представляется принципиально важным различие, с одной стороны, мотивирующей (производящей) основы, являющейся частью мотивированного (производного) слова, и, с другой стороны, основы мотивирующего (производящего) слова. Эти два понятия (в специальной литературе часто не различающиеся) последовательно дифференцируются в Гр70 в описании словообразовательных типов.

В Гр70 описывается распределение морфов в мотивированном слове как цепочке морфов. Д. Уорт же (как и Е. А. Земская), по-видимому, понимает «морфотактику» как учение о том, основы каких мотивирующих слов могут выступать в качестве исходной базы при образовании слов с определенными аффиксальными морфами. Однако и в Гр70 такие сведения тоже содержатся. Они даются при описании чередований, усечений и т. п.

явлений. Так, если в Гр70 говорится, что «перед морфем -*ант* парные мягкие согласные, кроме [л'], чередуются с твердыми» (§ 63), то тем самым говорится о «морфотактике» в понимании Д. Уорта, т. е. сообщается о том, что морф -*ант* способен выступать в образованиях от основ на мягкую согласную (в данном случае усеченных, ср. *оккупировать* — *оккупант*). Вместе с тем здесь содержится и «морфофонематическая» информация, т. е. информация о формальных изменениях, происходящих при сочетании морфов (усечение, чередование). Недостатком нашего описания, по-видимому, является его излишняя имплицитность (объясняемая экономией места): вероятно, целесообразнее было бы вначале дать морфонологическую характеристику основ мотивирующих слов, а затем уже описывать «изменения» этих основ. Правда, и в предложенном описании легко выделить оба эти компонента, и вряд ли у читателя может возникнуть то недоумение, которого опасается Д. Уорт: «если морф -*ант* на самом деле выступает после парных т в е р д ы х согласных, то откуда берутся те парные м я г к и е согласные, которые перед ним чередуются с твердыми?» (3, стр. 398). Само предложенное описание показывает, что эти мягкие согласные берутся из основы мотивирующего слова, которое и приводится всегда в качестве примера.

Д. Уорт считает также, что в нашем «Словообразовании» вводятся правила, неестественные для русского языка, например, правило об отвердении дизных согласных перед *а* (ср. *оккупировать* — *оккупант* и т. п.). Полагаем, что это правило вполне естественно с морфонологической точки зрения. Речь идет об отвердении парных мягких согласных перед морфом, начинающимся с [а], а это явление известно русскому словообразованию, причем отмечается не только перед иноязычными суффиксальными морфемами (ср., например, *грудь* — *грудастый*, *кровь* — *кровоавый*, *гусь* — *гусак* и др.). Д. Уорт предлагает избежать усматриваемой им неестественности путем постулирования абстрактной основы на твердую согласную — *оккуп-*, к которой без отвердения присоединяется морф -*ант*. Естественно, что из такой основы можно получить искомую основу без «неестественных» правил. Однако в данном случае фонологическая «неестественность» (впрочем вполне естественная для словообразования) свойственна самому языку, и конструирование абстрактной основы создаст лишь видимую естественность. Уместно отметить, что аналогичным путем Д. Уорт предлагает избежать описания и многих других «редких» и нерегулярных явлений русского словообразования, например, случаев с нулевым суффиксом вроде *приезжать* — *приезд*, *визжать* — *визг* (4, стр. 80 — 81).

Заметим в этой связи, что мы не считаем необходимым введение «глубинных структур» в такие грамматики описательного типа, как Гр70 и тем более как академическая грамматика. Ведь для того, чтобы оперировать «глубинными структурами», необходимо ввести в грамматику процедуры перехода от «поверхностных структур» (т. е. от самого описываемого объекта, представляющего собой объективную языковую данность) к «глубинным» и наоборот, а это означает, что «глубинно-поверхностная» методика не делает описание более экономным или компактным по сравнению с традиционным описанием в терминах чередований, усечений и других формальных преобразований, наблюдаемых в самих «поверхностных структурах»⁴.

Сомнительно, что введение «глубинных структур» в морфонологическое описание поможет значительно сократить, как полагает Д. Уорт, количе-

⁴ В то же время нельзя не согласиться со следующим замечанием Д. Уорта: «Который из двух сравниваемых здесь подходов является более плодотворным... — покажет нам только время» (3, стр. 401).

ство явлений, названных в Гр70 «нерегулярными соотношениями основ». Вряд ли описание на «глубинном» уровне может что-либо изменить в квалификации таких фактов, как *иней* — *индеветь*, *перо* (*перья*) — *пернатый* и мн. др. Это не означает, разумеется, что мы считаем невозможной переинтерпретацию предложенного в Гр70 инвентаря нерегулярных морфонологических явлений (например, путем описания некоторых относящихся сюда фактов в терминах чередования).

В. Стракова и З. Скоумалова пишут о необходимости описания отношений между глагольными суффиксами, выделенными в Гр70, и «формально тождественными суффиксами непроизводных глаголов (ср., например, изоморфный суффикс в глаголах *хром-а-ть* и *коп-а-ть*)» (22, стр. 165). Авторы рецензии оговариваются, правда, что это замечание вызвано не столько положениями Гр70, сколько «некоторыми привычными представлениями о характере некоторых морфем» (там же, примеч. 3). Действительно, в непроизводных (немотивированных) глаголах авторы «Словообразования» вообще не выделяют суффиксов. Выделение суффикса *-а-* в *копать*, *читать*, *писать* или суффикса *-и-* в *варить*, *водить* и т. п. противоречило бы тем исходным принципам выделения морфов, которые сформулированы в Гр70 (см. § 34). На основании этих принципов в Гр70 не выделяется, например, в немотивированных прилагательных *банальный*, *важный* и т. п. суффикс, «изоморфный» суффиксу мотивированных прилагательных типа *умный*. Классифицирующая же функция элементов типа *-а-* в *копать* или *-е-* в *зреть* (авторы рецензии видят суффикс и в этом слове) показана в Гр70 в разделе «Морфология».

В. Стракова и З. Скоумалова полагают, что раздел «Словообразование глагола» следовало бы дополнить главой, содержащей сведения по морфемному анализу, в которой и были бы описаны «некоторые переходные явления» вроде *-а-* в *копать* (см. стр. 166 рецензии). Раздел «Морфемное строение русских слов» (естественно, всех частей речи, а не только глагола), безусловно, был бы полезен. Однако мы полагаем, что результаты морфемного анализа не могут расходиться с результатами анализа словообразовательного⁵.

Среди недостатков раздела «Словообразование» в Гр70 называют его атомарность, раздробленность материала, вызванную тем, что в описании большее внимание уделено самим словообразовательным типам, чем их взаимодействию, в то время как взаимодействие это указано в начале раздела как существенная черта словообразовательной системы (замечания П. А. Соболевой — 6, Я. Пузыниной — 18 и др.). Действительно, в разделе мало семантических обобщений (желательно было бы представить систему словообразовательных значений слов каждой части речи с указанием того, какими способами и средствами, продуктивными и непродуктивными, выражается каждое из этих значений⁶), нет морфонологических обобщений (нужны перечни морфонологических позиций алломорфов, типов чередований, усечений, акцентных типов мотивированных слов и др.), отсутствует и гнездовой подход к словообразовательной системе (повидимому, в грамматике должно быть представлено в той или иной форме описание типов словообразовательных гнезд). Такие обобщения, по наше-

⁵ См.: В. В. Лопатин, К соотношению морфемного и словообразовательного анализа, в кн.: «Актуальные проблемы русского словообразования». I. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сент. 1972 г.), Самарканд, 1972, стр. 212—216.

⁶ Таким путем можно было бы избежать разрозненности в описании словообразовательных средств, имеющих одинаковое или сходное значение, но относящихся к разным способам словообразования; ср., например, замечание П. А. Соболевой (6).

му мнению, должны выявить многообразные виды и формы взаимодействия словообразовательных типов в системе; они могут быть сделаны в более пространной грамматике. В данной же книге авторы сознательно пошли на эти потери, ограничив свою задачу сплошным описанием — строго синхроническим, единообразным и достаточно полным — самого инвентаря словообразовательных типов, описанием, без которого невозможны в дальнейшем какие-либо обобщения. С точки зрения осуществления поставленных задач выполненное в данной книге описание представляется некоторым нашим рецензентом последовательным и целостным (например, 22, стр. 167).

В то же время мы не можем согласиться с В. Н. Хохлачевой, считающей, что авторы Гр70 вообще обошли проблему взаимодействия словообразовательных типов, что «в самом описании материала идея взаимодействия не реализуется» и, более того, «изучение фактов словообразования, изложенных в „Грамматике“, показывает, что между словообразовательными типами непосредственного взаимодействия нет»⁷. С нашей точки зрения, напротив, такое взаимодействие, несомненно, существует, и оно нашло отражение в разделе «Словообразование».

Во-первых, в разделе имеются обобщающие и сопоставительные главы, в которых дается группировка формантов по значению и указываются явления словообразовательной синонимии, а сами форманты в ряде случаев (см., например, § 594, 605) классифицируются по способности образовывать синонимичные типы или подтипы. Во-вторых, проводится обобщение и сопоставление морфонологических явлений, свойственных тем или иным способам словообразования (см., например, § 401–402, 607–609, 642). В-третьих, сделана попытка дать по возможности полное описание распределения синонимичных и формально близких словообразовательных морфов русского языка, а также объединения их в морфемы (ср. определения, данные в разделе «Введение в морфемику», и их реализацию при описании каждого словообразовательного типа). В-четвертых, проведено комплексное описание видов различий в синтаксической сочетаемости мотивирующего и мотивированного, свойственные разным словообразовательным типам глаголов⁸. Именно такого рода взаимодействия наполняют конкретным содержанием определение словообразовательной системы, предложенное в «Грамматике». Как мы уже говорили, круг таких взаимодействий в самом описании может быть представлен шире.

Ряд замечаний высказан В. Н. Хохлачевой по поводу понятия словообразовательной мотивации. Так, по мнению В. Н. Хохлачевой, в «определении словообразовательного типа отношения мотивированного слова к мотивирующему обозначены как с е м а н т и ч е с к и е, т. е. соответствующие признаку 2 (имеются в виду правила в § 34, по которым распознаются мотивирующее и мотивированное слова. — *Авт.*). Другие признаки мотивированного слова в определение словообразовательного типа не вошли (разрядка наша. — *Авт.*). Впрочем несколько ниже рецензент пишет: «Описание же материала в аспекте только „ф о р м а л ь н ы х связей“ значительно обедняет словообразовательную проблематику» (разрядка наша. — *Авт.*). Нам трудно согласиться с этими утверждениями (хотя они и противоречат друг другу). В соответствии с общей концепцией грамматики мы стремились рассматривать словообразовательные единицы (в том числе и

⁷ В. Н. Хохлачева, Некоторые вопросы теории словообразования, ВЯ, 1973, 3, стр. 100. Другие исследователи на материале той же «Грамматики» сделали прямо противоположные выводы (см.: А. Н. Тихонов, Синхрония и диахрония в словообразовании, в кн.: «Актуальные проблемы русского словообразования», I, стр. 366).

⁸ Внимательное чтение раздела позволяет обнаружить и другие, более частные, указания на взаимодействие отдельных типов и способов словообразования.

основную единицу — словообразовательный тип) как единство формы и значения. Именно поэтому мы приняли то достаточно распространенное определение словообразовательного типа, которое выработано в последнее время в работах советских и чехословацких лингвистов. В разделе «Словообразование» в один словообразовательный тип объединяются только те слова, которые характеризуются как общностью «*формального показателя, отличающего мотивированные слова от их мотивирующих*», так и общностью «*семантического отношения мотивированного слова к мотивирующему*», а сам тип рассматривается как «*формально-но-семантическая схема построения слов*» (§ 37).

Что же касается пункта 2 правил установления направления мотивации, то он относится лишь к тем немногим словам, которые характеризуются равной формальной сложностью. Правила установления направления мотивации, изложенные в «Грамматике» (§ 34), выступают в разных условиях: первое правило используется при различии лексических значений и неравной формальной сложности слов, второе — при различии лексических значений и равной формальной сложности, третье — при тождестве лексических значений. Неучет этого обстоятельства и вызвал у В. Н. Хохлачевой «неразрешимые сомнения» по поводу трактовки пар типа *биолог* — *биология*, в которых, действительно, по признаку семантической сложности направление мотивации одно, а по признаку формальной сложности — другое. Однако возможности двойственной интерпретации не существует: два предложенных правила одновременно действовать не могут. В случае *биолог* — *биология* применимо лишь первое из предложенных правил.

В. Н. Хохлачева полагает (стр. 103), что в разделе «Словообразование. Основные понятия» «не объяснена... с точки зрения отношений мотивации возможность признать мотивирующим не одно слово при одном и том же мотивированном». Рецензенту остается неясным, как можно совместить множественность мотиваций с тем, что «принадлежность мотивирующего слова к части речи и семантическое отношение мотивированного слова к мотивирующему указаны в качестве характеристических признаков словообразовательного типа». «Не означает ли это, — спрашивает В. Н. Хохлачева, — что за существительным *запад* и прилагательным *западный* (оба слова мотивируют существительное *западник*. — *Авт.*) авторы признают семантическое и категориальное тождество?». Нет, не означает. Слова, имеющие несколько мотиваций, принадлежат тем самым одновременно к нескольким (чаще всего к двум) словообразовательным типам или даже способам словообразования (об этом сказано в § 36 «Грамматики»), а среди мотивирующих слов могут быть слова, относящиеся как к одной и той же части речи, так и к разным. Явление множественности мотиваций, отмеченное в ряде работ последнего времени, отражает многосторонние словообразовательные связи и заслуживает внимания исследователей.

Вызывает возражение и вывод В. Н. Хохлачевой о том, что «функциональный аспект в описании материала в разделе „Словообразование“ оказался фактически опущенным» (стр. 104). К этому аспекту непосредственно относится характеристика каждого словообразовательного типа с точки зрения продуктивности и сферы функционирования.

А. Н. Тихонов справедливо замечает, что в Гр70 «оставлена без внимания» проблема омонимии словообразовательных аффиксов (13, стр. 288). Приходится сослаться на неразработанность этого вопроса. Нелегко сказать, сколько в русском словообразовании разных (омонимичных) суффиксов *-ин(а)*, или суффиксов *-к(а)*, или нулевых суффиксов и т. д.⁹ Без ре-

⁹ В статье Д. Уорта (4) сделана попытка разграничения нулевых суффиксов среди отглагольных имен существительных в зависимости от их морфонологических и мор-

шения этого вопроса невозможно установление точного списка аффиксов (формантов), который, как нам представляется, необходим в грамматиках такого рода.

Некоторые рецензенты (например, А. Н. Тихонов — 13) отмечают как недостаток раздела «Словообразование» отнесение к разным морфемам формально близких морфов (*-ник* и *-льник*, *-щик* и *-льщик*, *-ец* и *-лец* и т. п.). Вопрос этот тесно связан с принципами разграничения словообразовательных типов. Дело в том, что образования с данными аффиксами имеют разное словообразовательное значение; последнее же является инвариантом частных значений, наблюдающихся во всех образованиях одной и той же структуры, и устанавливается в рамках целого словообразовательного типа¹⁰. Так, общее словообразовательное значение («на уровне типа») у суффикса *-щик* шире, чем у суффикса *-льщик*: последний выступает только в названиях лица.

Тот же подход определяет и отнесение к разным словообразовательным типам образований с одинаковым аффиксом в тех случаях, когда разные значения их не сводятся к одному инвариантному значению. Ср., например, вызвавшее возражение А. И. Моисеева (9) разделение существительных с суффиксом *-изм*, мотивированных прилагательными, на два типа — первый со значением «элемент языка, речи или произведения» (*архаизм*, *канцеляризм*) и второй со значением «признак как направление, склонность» (*гуманизм*, *реализм*).

Несколько замечаний о терминах. А. И. Моисеев (9) упрекает авторов раздела «Словообразование» в подмене понятия производности понятием мотивированности и выведении тем самым проблемы образования слов за пределы синхронического описания. Но в Гр70 имеет место лишь замена «синхронно-диахронического» термина «производность» чисто синхроническим термином «мотивированность» без какого-либо изменения содержания. Вся проблематика образования слов в синхроническом смысле при этом сохраняет свою актуальность; в Гр70 этот аспект нашел отражение в попытке определить продуктивность каждого словообразовательного типа, с указанием сферы этой продуктивности. Другие рецензенты (Я. Пузынина — 18), наоборот, упрекают авторов за сохранение диахронической терминологии («способ словообразования»). Однако мы не сочли возможным пойти на радикальное изменение всей терминологии словообразования: в этом случае надо было бы начинать с самого термина «словообразование».

3. В разделе «Морфология» дискуссионными оказались решения, связанные с композицией раздела, с классификацией слов и словоформ на части речи и грамматические разряды, принципами их выделения и системой дефиниций, с методом описания грамматических категорий и с описа-

фологических характеристик: сочетание определенного типа склонения с определенным видом чередования дает особый нулевой суффикс. Однако при разграничении аффиксов необходимо учитывать и семантику. Кроме того, мы сомневаемся в том, что различное «морфонологическое поведение» обязательно означает различие самих аффиксов. Так, если слова *разиня* и *рева* содержат (по Д. Уорту) разные нулевые суффиксы (первый — «палатализирующий», второй — нет), то и, например, *толстяк*, *здоровяк* — с одной стороны, и *простака*, *левак* — с другой, надо признавать (на том же основании) образованиями с разными суффиксами, что вряд ли правомерно. Скорее следует констатировать наличие как аффиксов, «морфонологическое поведение» которых единообразно, так и аффиксов с неединообразным «морфонологическим поведением».

¹⁰ Такое понимание словообразовательного значения является в настоящее время общепризнанным. Ср.: «Словообразовательная конструкция включает в себе лишь обобщенную семантику создаваемого слова» (Н. Д. А р у т ю н о в а, О понятии системы словообразования, ФН, 1960, 2, стр. 25).

нием парадигматики. Остановимся на некоторых возражениях, которые представляются наиболее существенными.

Классификация частей речи вызвала упрек в недостаточном учете семантики, особенно проявившемся в объеме таких частей речи, как местоимение-существительное и числительное (6 — Е. П. Кржижкова, 17). Полагают, что выделение местоимений-существительных (а не местоимений вообще, где были бы сосредоточены все местоименные слова) и числительных количественных и собирательных (без числительных порядковых, включенных в состав прилагательных) диктуется логикой «формального принципа», которая приводит «к разрушению семантических группировок слов» (10) и «нейтрализует семантический принцип деления слов на части речи» (8). В основу классификации слов на части речи в Гр70 положены три признака (см. § 759). Первый из них — семантический; в нем объединены лексическая и грамматическая семантика. Под лексической семантикой понимается значение, абстрагированное от лексических значений всех слов данного класса. Общностью лексической семантики местоименные слова не обладают, так как они ничего не называют. В словаре местоименные слова как словесные знаки, «не имеющие своего собственного предметно-логического содержания»¹¹, противопоставлены словам лексически полноточным. Как слова дейктические¹², т. е. обладающие указательно-заместительной функцией, местоимения «имеют двойственный характер: 1) значение класса в системе и 2) индивидуальное значение в синтагматическом ряду»¹³. Первое определяет приведенное выше противопоставление местоимений словам с собственным номинативным значением; второе — непостоянное ситуативное значение местоимений.

Выделение местоимений в особую часть речи осуществлялось в традиционных грамматиках по иным принципам, чем выделение существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Решающая роль принадлежала при этом не семантической, а функциональной общности (общности указательно-заместительной функции), не значению, а назначению¹⁴. Составители современных грамматик, руководствующиеся семантическим принципом как основным при классификации частей речи, для того чтобы обосновать объединение всех местоимений в одной части речи, расширяют объем семантического признака. Они включают в него способность слова выступать в качестве семантического репрезентанта целого класса слов (6 — Г. П. Ижакевич). Такое расширительное понимание семантического признака нами не разделяется.

Классификация слов на части речи предстает обычно как грамматическая классификация наличного состава лексем. В «Общем языкознании» она приводится в разделе «Лексика». Классификацию лексических единиц здесь предлагается проводить по двум признакам: 1) семантической категориальности и 2) парадигматической оформленности в системе языка¹⁵. Отвечают ли этим признакам слова, объединенные в таких частях речи, как местоимение-существительное и числительное? Следует признать, что местоимения не отвечают признаку семантической категориальности. Од-

¹¹ См.: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972, стр. 446.

¹² В дейктические слова, кроме местоимений, составляющих их ядро, включаются некоторые наречия времени и места. Подробнее см.: «Общее языкознание...», стр. 449; С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 146.

¹³ «Общее языкознание...», стр. 449.

¹⁴ Классификацию частей речи с учетом лексических различий между классами слов см.: А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954, стр. 38. О нарушении последовательности классификации при выделении местоимений в особую часть речи см. также: С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 147.

¹⁵ См.: Общее языкознание, стр. 450.

нако выделение в особую группу местоимений-существительных мы продолжаем считать целесообразным, так как при этом соблюдается признак парадигматической оформленности и общность синтаксической функции. Что касается имени числительного, то здесь, по нашему мнению, соблюдаются оба названных признака¹⁶. Не противоречит этим признакам и включение порядковых числительных в состав другой части речи — прилагательного. «Порядковые числительные устанавливают отношение предмета к числу. Значение этих слов — не число, а отношение к числу. Значение порядковых „числительных“ в этом смысле сближается со значением других относительных прилагательных: они тоже обозначают отношение к чему-то. Но у обычных относительных прилагательных это „что-то“ — предмет, а у порядковых относительных прилагательных — число»¹⁷.

Ряд возражений вызвало описание категорий рода и падежа имени существительного. Род существительных в Гр70 характеризуется как лексико-грамматическая синтаксическая категория (§ 784). Причисление рода к лексико-грамматическим категориям подвергается сомнению (2). Кроме того, в признании семантической значимости рода у одушевленных существительных (§ 785) и в выделении и определении категории одушевленности /неодушевленности (§ 790) на основе чисто семантических отношений (10) усматривается нарушение формального принципа. Считают, что «семантичесность» категории одушевленности /неодушевленности и значения рода у существительных одушевленных вступает в противоречие с общим определением рода как синтаксической категории (10).

Авторы «Морфологии» и их оппоненты вкладывают разное содержание в понятие лексико-грамматической категории. Оппоненты при характеристике данной категории исходят из тех отношений между формами слова, которые возникают при так называемом формообразовании (к формообразованию относят: образование форм числа у существительных, степеней сравнений у прилагательных, причастий, деепричастий и инфинитива у глагола; образование видов глагола и др.). Авторы «Морфологии» под лексико-грамматическими категориями понимают категории, выявляющиеся в оппозиции не форм, а слов. Для русских существительных семантическая значимость рода не характерна, значение рода воспринимается как условное и семантически пустое. Элементы номинативного значения в общей синтаксической категории рода отмечаются лишь у небольшой группы слов — названий лиц. Однако в определенных условиях (при употреблении слова) род может стать семантически значимым¹⁸. Но эта значимость должна рассматриваться как вторичная, метафорическая.

В ходе обсуждения Гр70 было высказано предложение вообще исключить род из числа грамматических категорий имени и считать его «синтаксическим признаком» основы, требующим заучивания, подобно типу склонения или управлению глагола (6 — И. А. Мельчук). Несмотря на то, что род существительного семантически не мотивирован и с полным основанием может быть причислен к средствам языковой «техники», мы не можем отказать ему в статусе грамматической категории. В принадлежности существительного к определенному роду наиболее ярко проявляется его грамматическая семантика, его предметность, выделяющая существительное из других имен и определяющая его самостоятельность в речи. Род существительного нельзя, с нашей точки зрения, отнести к синтакси-

¹⁶ Подробнее см. в кн.: А. Е. Супрун, Славянские числительные, Становление числительных, как особой части речи, Минск, 1969.

¹⁷ Там же, стр. 20.

¹⁸ См. об этом: В. В. Виноградов, Русский язык (Грамматическое учение о слове), 2-е изд., М., 1972, стр. 60—63.

ческим признакам основы; определение имени существительного прилагательным (или другим согласуемым словом) в форме мужского, женского или среднего рода не диктуется основой существительного.

Характеристика падежа как грамматического синтаксического значения, анализ и описание падежных значений встретили ряд замечаний. Предлагалось падежи рассматривать в «Синтаксисе», поскольку синтаксические значения принадлежат синтаксическому построению, а не морфологической форме (10). «Основным условием, определяющим выбор зависимой формы, является потребность выразить характер реально существующих предметных отношений» (8), более целесообразно при определении общего значения категории падежа было бы говорить «об отношении между предметами, явлениями, а не между словами только» (9).

Синтаксическое значение падежа — это указание на зависимость падежной формы от другого слова. Падежные значения извлекаются из связи слов и, как бы обособляясь от сочетания слов, становятся принадлежностью падежной формы, ее собственной характеристикой. Поэтому падеж должен рассматриваться и в морфологии. В определении падежных значений следует исходить только из языковых отношений, поскольку категория падежа — это категория грамматическая. То, что соответствует языковым отношениям в реальной действительности, находится за пределами грамматики.

Оппоненты указывают, что в Гр70 нет целостного описания категории падежа (2), что в ней фактически отсечена парадигматическая сторона падежа (2) и что значения падежных форм по существу остаются нераскрытыми (2,9). Признавая справедливость этих замечаний, мы хотели бы обратить особое внимание на парадигматическую сторону падежа и возможность парадигматического анализа падежных значений. В формах парадигмы выявляются грамматические категории. Каждая парадигма — это не только система форм, но и система составляющих категорию грамматических значений, образующих одну или несколько оппозиций. Падеж рассматривается как грамматическая категория, выявляющаяся в оппозиции «независимый падеж (именительный) — зависимые падежи (косвенные)». Мы не разделяем точку зрения Р. О. Якобсона, согласно которой вся падежная система базируется на трех измерениях: направленности, объемности и периферийности. Сложность анализа и описания категории падежа и значения падежных словоформ состоит в том, что за каждой словоформой закрепляется ряд значений. Образуется сложное соотношение: одно и то же значение может быть выражено разными падежами, разные значения могут быть выражены одной и той же падежной формой. При этом каждая падежная форма, как правило, обладает и специфическим значением, которое не способны выразить другие падежные формы, и комбинаторными значениями, которые могут быть выражены другой (или другими) формами. В результате система падежей должна рассматриваться, во-первых, как система эквиолентных значений¹⁹, и во-вторых, как система, состоящая из синонимических рядов, образованных формами разных падежей, выражающих одно значение. Такой системный анализ предстоит провести авторам в подготавливаемой «Русской грамматике». При анализе падежных значений следует учитывать также и иерархическую организацию категории падежа. Основное место в падежной системе занимают субъектно-объектные функции, которые в свою очередь предполагают иерархию отношений²⁰; второстепенное принадлежит функциям обстоятельственным.

¹⁹ См.: М. В. П а н о в, Русский язык, в кн.: «Языки народов СССР», I — Индо-европейские языки, М., 1966, стр. 97.

²⁰ Подробнее см.: С. Д. К а ц н е л ь с о н, Типология языка и речевое мышление, стр. 39—47.

Названные аспекты анализа и описания категории падежа не являются собственно парадигматическими. С нашей точки зрения, чисто парадигматическое описание падежных значений вряд ли возможно, особенно если принять во внимание, что «функционирование беспредложных форм имени, по крайней мере в наиболее типичной для них объектной области (т. е. области основных падежных функций.— *Авт.*), оказывается свободным (или почти полностью свободным) от парадигматических оппозиций»²¹.

Для понимания категории вида глагола существенно следующее.

В Гр70 категория вида глагола определена как классификационная или лексико-грамматическая категория (§ 755), что считается противоречивым (12) или неправильным (2), так как в § 822 категория вида названа грамматической. Между тем данные определения не содержат в себе противоречия. В Гр70 грамматическая категория противопоставляется категориям лексической и словообразовательной. Все грамматические категории делятся на собственно грамматические (словоизменятельные) и лексико-грамматические (классификационные). Таким образом, грамматическая категория, с одной стороны, и лексико-грамматическая и собственно грамматическая категория, с другой стороны, соотносятся как понятия родовое и видовое. Вид глагола в Гр70 выступает как категория грамматическая, а не словообразовательная или лексическая, и одновременно как категория классификационная (лексико-грамматическая), а не словоизменятельная²².

Встретило возражения отождествление видовой пары и видовой оппозиции (2). Однако, признавая вид особой грамматической категорией, тесно связанной со своей лексической базой (В. В. Виноградов), авторы не считали грамматическую оппозицию по виду присущей всем без исключения глаголам, хотя значением вида обладает каждый глагол в русском языке. Категория вида не достигла той высшей степени абстракции, какая характерна для словоизменятельных глагольных категорий.

Определение семантики совершенного вида как «достижение внутреннего абстрактного предела действия» у одних рецензентов вызвало возражение (2, 9, 12), другие такое определение принимают (24). Думается, что понимание грамматической категории вида как противопоставления значений совершенного (достижение внутреннего предела действия) и несовершенного (отсутствие указания на достижение предела действия) вида позволяет выявить зависимость вступления глаголов в видовое соотношение от их лексического значения²³.

У ряда рецензентов вызвал возражения тезис о наличии более частных значений предела действия (временной, результативный) в пределах групп «способов действия» (8, 9). Наличие более частных значений предела действия связано с «лексичностью» способов глагольного действия. Их абстракция менее регулярна, менее категориальна, чем абстракция вида глагола в его видовой оппозиции. Недостаточность выявления в Гр70 взаимодействия между категорией вида и способами действия (12) объясняется общей неразработанностью этой проблемы²⁴. Однако авторы стремились рассмотреть возможность образования видовых пар внутри способов действия, что само по себе является возражением тем исследователям,

²¹ К. И. Ходова, Падежи с предлогами в старославянском языке, М., 1971, стр. 6.

²² Вызвало возражения понимание видовой пары как пары разных глаголов (2, 12). Теоретические обоснования такого понимания см.: Н. С. Авиллова, Категория вида глагола в ее отношении к словоизменению, ИАН ОЛЯ, 1972, 3, стр. 264 и сл.

²³ См.: «Перспектив „Русской грамматики“», М., 1972 (ротапринт), стр. 64.

²⁴ См.: Н. С. Авиллова, Способ глагольного действия, глагольная семантика и вид глагола (в печати).

которые считают это невозможным (А. В. Исаченко)²⁵. Проблема семантического и структурного ограничения видовой корреляции внутри способа действия требует специального изучения.

Что касается вопроса о словообразовательных синонимах и вариантах глаголов несовершенного вида (12), то предполагается, что глаголы несовершенного вида, являющиеся словообразовательными синонимами, выступают как члены тождественных видовых оппозиций, которые можно считать вариативными²⁶.

В трактовке грамматической категории залога глагола вызывает возражение рассмотрение проблемы залога как собственно залога, с одной стороны, и проблематики залоговости — переходности — возвратности, с другой стороны. Считается, что это явления разного порядка (2, 9, 6 — М. М. Гухман). Известна сложность всей проблемы залога, тесная связь ее с лексикой и синтаксисом. Рассматривая эту проблему по традиции в «Морфологии», авторы стремились сохранить всю традиционно устоявшуюся проблематику залога, а именно: 1) описать переходные/непереходные глаголы, собственно залог и возвратные глаголы (последние как структурно-семантические типы со специфическим изменением в значении мотивированного глагола, вызванным присоединением постфикса *-ся*); 2) представить залоговое ядро, собственно залог, в характерной для морфологической категории системе оппозиций (системе оппозиций пассива-актива). Семантически и формально маркированным признавался страдательный залог (пассивная конструкция).

Определение семантики страдательного залога как обозначения направленности действия на субъект вызвало справедливые критические замечания (2, 9, 6 — М. М. Гухман, Ю. В. Фоменко). Следует уточнить это определение: страдательный залог означает направленность действия на объект, выраженный именительным падежом (подлежащее)²⁷.

Было подвергнуто критике выведение глаголов с постфиксом *-ся* в страдательном значении из группы возвратных глаголов (9). Для такого решения имеются следующие основания. Во-первых, глаголы с постфиксом *-ся* в страдательном значении являются глаголами страдательного залога, членом залоговой оппозиции. Они формируют страдательный залог у глаголов несовершенного вида. Возвратные глаголы с постфиксом *-ся* не являются членом залоговой оппозиции. Это однозалоговые глаголы действительного залога, и обозначаемое ими действие никогда не может быть направлено на объект, выраженный именительным падежом (подлежащее). Во-вторых, постфикс *-ся* у глаголов страдательного залога не вносит нового лексического значения в глагол. Его функция — только обозначение страдательности. Постфикс *-ся* у возвратных глаголов всегда вносит в глагол дополнительное лексическое значение²⁸.

²⁵ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. II, Братислава, 1960, стр. 217.

²⁶ См.: «Перспектив „Русской грамматики“», стр. 63.

²⁷ См. там же.

²⁸ Конкретные ответы на ряд затронутых в дискуссии вопросов см. в «Перспективе „Русской грамматики“».